

Рецепция модернизма в русском поэтическом процессе конца XX века (теоретический аспект) // Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць. Випуск XLV. – Херсон: Видавництво ХДУ, 2009. – С.27-32

УДК 826.161.1/82-1

Н.Ильинская,
доктор филологических наук,
профессор кафедры
иностраных языков и литературы ХДУ

**Рецепция модернизма в русском поэтическом процессе конца XX века
(теоретический аспект)**

Кризисные явления в мировой культуре XX века не менее остро заявляют о себе в России. Как и другие роды литературы, русская поэзия конца XX – начала XXI столетия подвергается «тектоническому сдвигу», вызвавшему смену аксиологических и мировоззренческих стратегий, типов сознания, метафизических установок. Предметом переоценки становятся, казалось бы, такие незыблемые твердыни, как традиционный для русской культуры литературоцентризм, статус «литературы – властительницы дум». Оказывается, в современной культурно-эстетической ситуации поэт в России уже не «больше чем поэт». Стремительно рушатся литературные репутации «столпов» соцреализма, вызывает иронию «эстрадно-публицистическая» поэзия шестидесятников, «во весь голос» заявляет о себе вышедшая из андеграунда «альтернативная литература», обозначенная весьма расплывчато «другой литературой», «новой волной», «неофициальной поэзией», в одном культурном пространстве сходятся новейшая, «возвращенная литература» Серебряного века и русского зарубежья.

Количество жизнеспособных языков культуры, сопоставимое с многоголосием Серебряного века, становится особенно впечатляющим при попытках исследователей воспользоваться традиционными методологиями и наработанным инструментарием. В результате – наиболее устойчивое определение культурно-исторической эпохи 80-90-х годов XX века – «эстетический кризис, который она (русская литература) еще не осознала» [23, с. 45], а состояние поэзии – «постмодернистские трудности» и очередная полоса упадка» [26, с. 118]. Оказалось, что сформировать представления о поэтическом процессе 1980-2000 годов в рамках привычного мейнстрима невозможно, поскольку в сложившейся постмодернистской ситуации, в условиях семантической равноправности дискурсов и креативных стратегий, когда не выстраиваются устойчивые иерархии, в ранг дискуссионных попадает «коренная категория» (Ю. Борев) художественного процесса – литературное направление, разрушается традиционная эстетика, релятивизация сознания размывает укорененные этические установки, необходимы имманентные изучаемому художественно-эстетическому явлению подходы.

Современное гуманитарное знание пытается осмыслить инновационные для русской литературы процессы посредством их идентификации в неклассической и постклассической парадигмах художественности (В. Тюпа, В. Бычков, С. Бройтман); выявить их специфику посредством типологической соотнесенности с другими переходными эпохами, как удаленными, так и близкими, в частности, модернизмом (А. Мережинская, В. Силантьева, Н. Хренов, Л. Черная); «вписать» современные тенденции развития поэзии в магистральную традицию русской поэтической культуры, выявить механизмы преемственности и типологической схожести, смены поэтических систем (И. Смирнов, Л. Сазонова, Вяч. Ив. Иванов, М. Эпштейн, И. Заярная); проследить повторяемость и укорененность определенных способов художественного сознания и мышления, архетипических ситуаций, духовных констант национальной ментальности (Д. Лихачев, А. Панченко, Н. Игнатенко, А. Нямцу, Л. Карасев, И. Есаулов); рассмотреть группы стилевых течений 80-х

– начала 90-х годов (соц-арт, концептуализм, метареализм, «критический сентиментализм»), концентрирующих черты модернистской и постмодернистской поэтики (М. Эпштейн, К. Кедров, В. Кулаков, М. Липовецкий, О. Богданова).

И тем не менее отсутствие системного описания поэтического процесса конца XX – начала XXI века как нового типа целостности, недостаток добротных, научно объективных исследований отмечены многими исследователями, в том числе академической и вузовской наукой (Вл. Новиков, А. Нестеров, С. Завьялов, М. Голубков, С. Тимина), определившей необходимость воссоздания «целостной картины историко-литературного развития русского XX столетия» «труднейшей исследовательской задачей», до сих пор не получившей своего разрешения [3, с.5].

Актуальные тенденции, осознанные многими как фундаментальная смена общекультурной парадигмы, напоминают о ситуации «рокового рубежа» конца XIX – начала XX столетия. Об этом пишет П. П. Гайденко: «Конец XX века в России возвращается к его началу», акцентируя при этом сходное для пограничных эпох «состояние духовной и душевной смятенности», центрирующее значение «темы духа и веры» [7, с.8]. Яркое тому доказательство – «спор о Серебряном веке» (Е. Иваницкая), продолжающийся, несмотря на его почтенный возраст, и по сей день. Расхождения (действительные и утрированные) на уровне поэтического процесса, эволюций и смены художественных систем, взаимовлияний индивидуальных миров, духовных исканий религиозно-культурного ренессанса достаточно исследованы и описаны, начиная с И. Бунина и Ю. Тынянова, заканчивая как относительно современными (П. Громов, В. Тимофеев, А. Павловский, Н. Коржавин, В. Непомнящий, А. Казин, И. Смирнов), так и работами последних десятилетий (Вяч. Вс. Иванов, А. Эткинд, Н. Богомолов, А. Ханзен-Леве, Л. Колобаева, Ж. Нива, Л. Кихней, О. Лекманов, М. Моклиця, А. Пайман, Е. Эткинд, М. Вайскопф, В. Курицын), оценивающими культурную эпоху в различных системах координат.

В научной рецепции артикулированы: а) интенции синтезирующего освоения поэзии Серебряного века, генетически связанные с литературоведческой мыслью первого рубежа XX века (в противовес разделительным тенденциям борьбы реализма и модернизма), названные в академическом двухтомнике истории русской литературы рубежа веков «обновленным взглядом на особую целостность русского литературно-художественного процесса рубежа столетий» [22, с.10]); б) идеи «диффузного состояния» русской поэзии начала XX века, заявленные на основе нового подхода – с позиций исторической поэтики; в) сосуществование различных поэтических систем и стилевых течений в формате притяжения/отталкивания, когда диалогические отношения не нивелируют различий в самосознании, эстетических принципах и креативных стратегиях стилевых течений; выделен (М. Гаспаров, Е. Эткинд, Л. Кихней, О. Клинг, Н. Богомолов, А. Кобринский) ряд общих признаков в художественном сознании практически всех течений русского модернизма, позволяющих рассматривать переходную эпоху Серебряного века как целостную систему, несмотря на разновекторность эстетических и религиозно-философских поисков и кажущуюся дискретность.

Показательно, что попытка описать культуру XX века «как некое сочетание культурных интенций, характерное для большинства проектов первой половины XX столетия» [11, с. 46], поскольку литература данного периода «в целом развивается во взаимодействии (и взаимоотталкивании) устремлений к классике, модернизму и авангардизму», в русле которых «течения и группировки первой трети XX века – явления литературного сознания и быта, а не творческого бытия литературы» [7, с. 7], объединяет достаточно разнополюсных по эстетическим предпочтениям литературоведов и критиков. В этом контексте теряет былую остроту, приобретая в научной рефлексии статус антиномии, проблема соотношения модернизм – авангард (напомним, одним из критериев, по которому осуществляется деление, является отношение к традиции), так как между ними наметилась определенная конвергенция, отчетливо проявившаяся в искусстве постмодернизма.

В современной культурно-эстетической ситуации актуальным становится исследование взаимоотношений модернизма и постмодернизма. В одном случае, исходя из близости и генетического родства двух стилей, принципа жизнестроительства, модифицированного, по мнению исследователей, в художественном сознании постмодернизма, манифестируется взаимосвязь и преемственность высокого модернизма и, в категориях У. Бека, «другого модерна» [24, с.453-459] (Ж. -Ф. Лиотар, Р. Грюбель, Р. Рорти, Ю. Хаберманс). Постмодернизм считается новой, «третьей и в то же время последней стадией модернизма. В известном смысле здесь цель и принципы утопического проекта модерна – объединение искусства с жизнью – доводятся до абсурдного конца» [24, с.31]. В скобках заметим, что в постсоветских исследованиях утопический модус чаще связывают с соцреализмом (М. Эпштейн), выполнившим функцию деконструкции модернизма (Е. Добренко). В другом случае (Ж. Деррида, И. Хассан) – подчеркивается их различие и несовместимость по целому ряду признаков, наиболее полно отрефлексированных в достаточно известной биполярной модели одним из «архитекторов» постмодернизма [28].

В культурологических и литературоведческих построениях широко представлена точка зрения, утверждающая преемственность между двумя явлениями, несмотря на дискретное развитие литературного процесса в «тоталитарной культуре» (Е. Добренко). Легитимность модернизма в отмеченном чертами постмодернистской эстетики художественном сознании отмечается авторитетными исследователями (Д. Затонский, В. Вельш, А.Большакова, И. Московкина, А. Мережинская, Т.Гундорова, М. Липовецкий, О. Богданова, Е. Иваницкая), непосредственными участниками поэтического движения, особенно представителями андеграунда. Так, Д. Затонский, размышляя об «извечном коловращении изящных и неизящных искусств», отмечает сложный механизм взаимодействия и даже взаимозависимости «модернистского» и «постмодернистского» восприятия сущего, несмотря на изначальное признание их антагонизма [9, с. 154]. О включении модернизма в постмодернизм как одного из легитимных культурных кодов пишет

О. Богданова [6, с. 10-12]. Акцент на культурной преемственности между двумя неклассическими парадигмами художественности сделан М. Липовецким: «Русский постмодернизм с самого своего рождения скорее оглядывался на прерванный и запрещенный опыт русского модернизма, чем отталкивался от него. Ранние тексты русских постмодернистов с равным успехом можно анализировать и в модернистском контексте» [16, с.209], более того, «русскому постмодернизму во многом пришлось брать на себя роль «восстановителя» прерванной эволюции модернизма» [16, 206]. В монографиях и статьях А. Мережинской мысль «об особой близости художественного мышления двух кризисных рубежей XX века» подтверждаются конкретными проявлениями модернистской поэтики в эстетических принципах и элементах стиля постмодернизма, а именно: «восстановление в правах трансцендентного, актуализация символа, использование модернистских принципов мифологизации, обращение к подтекстам произведений «серебряного века», полусерьезное-полуироничное кодирование кризисной современности знаками литературы рубежа веков, наполненной предчувствиями катастроф [19,с. 18]. Особую валентность в контексте нашего исследования приобретают стратегии ученого, акцентирующие внимание на сохранении в русском постмодернизме духовной вертикали, «стремлении к целостности, восстановлении аксиологической шкалы и поисках центрирующих начал» [20,с. 103]. Отрефлектированные А. Мережинской черты современного художественного сознания находят подтверждение и в сфере новейшей поэзии, в частности ее включенности в эпистемы национальной культуры, в традиции которой духовные универсалии составляют ядро культуры, ее код.

Исследование показывает, что в новейшей русской поэзии наблюдаются признаки перестройки поэтической системы, аналогичные процессам Серебряного века, с учетом того фактора, что закон эволюционного развития литературы не позволяет буквального повторения достижений предшественников. Это позволяет назвать неомодернизм (не отрицая и других «сценариев») одним из векторов постпостмодернистского развития. Об

этой устойчивой тенденции литературного развития пишет А.Ю.Большакова, исследуя русскую прозу конца XX – начала XXI века.

В пользу этой версии свидетельствует феномен финала эпохи как некоего возвращения к началу на уровне ценностных ориентаций, топика, эстетических принципов, завершения художественных тенденций, вытесненных в процессе утверждения предыдущей культуры тоталитарного типа, их возрождение и модификации на новом витке.

Прокомментируем данное культурное явление с нескольких позиций, хотя бы в первом приближении обозначив его суть:

1. Неомодернизм как возвращение к началу той эпохи, которая начинается в России в 90-е годы XIX века, а в 90-е годы XX века приходит к своему завершению, рассматриваемое культурологами одним из признаков переходности [27]; литературоведами – в ряду иных литературных движений («постреализм», «новый сентиментализм», «транссентиментализм и т. д.), сигнализирующих о выходе из кризисной культурно-исторической эпохи и формировании новой парадигмы художественности.

2. Неомодернизм – новая стадия постмодернизма, если исходить из близости и генетического родства двух стилей, манифестируемых Ж. - Ф. Лиотаром: «Произведение может стать модерным, только если оно сначала является постмодерным. Так понятый постмодернизм не есть завершение модернизма, но скорее его рождение, причем как постоянно рождающее состояние...» [12, с. 79-81]. Устойчивые тенденции модернистской и авангардной поэтики в русском постмодернизме отмечены М. Липовецким, по утверждению которого русские постмодернисты, «в отличие от западных, скорее мечтали о возрождении модернизма, чем о разрыве с ним» [15].

3. Неомодернизм как знаково-образный комплекс, заявивший о себе в 90-е годы XX века в России, сформировавшийся в «недрах» постмодернистской парадигмы на пути ее «преодоления», стилистические течения которого синтезируют поэтику неклассических систем (необарокко, поставангард, неоакмеизм), не исключая при этом доминантности одной из них, а также

влияния традиционализма / реализма с его способностью уравнивать дионисийские «хаосогенные начала» с аполлоническими «антихаосогенными» (усиление индивидуального начала в творчестве, индивидуальных стилей и пр.)» [18, с. 451-508].

В результате исследования систематизированы интегральные константы поэтического процесса, характерные для русского модернизма и новейшей поэзии конца XX века, отражающие культурную преемственность на непосредственно-рецептивном и опосредованно-типологическом уровнях, а именно: а) восстановление духовной вертикали в типологически схожих моделях религиозно-поэтического сознания и концептах; б) исключительный статус искусства, определивший «цветущую сложность» (К.Леонтьев) происходящих художественных процессов; в) многообразие художественных языков и стилей вне иерархичности их бытования; г) диалогичность различных типов художественного творчества; д) синтез искусств, его активное продуцирование в стилевых течениях модернизма и современных идиолектах; е) принцип жизнетворчества, в формате которого моделируются стратегии творческого поведения – модернистского, модифицирующего архетип поэта-жреца, и постмодернистского – игрового, отчасти самопародийного; ж) сложность идентификации творческой индивидуальности с определенным художественным методом (направлением), «размывание» границ стилевых течений; з) движение к «новой искренности» – актуализация прямого высказывания, реабилитация идеи самовыражения, характерные для русской поэтической традиции.

В ситуации ожидания, эмблематичной для пограничного типа художественного сознания, таящей в самой своей неопределенности серьезный творческий потенциал, проблема неомодернизма, равно как и другие гипотезы постпостмодернистского развития, по сути, только заявлена, а обозначенные теоретические контуры требуют самостоятельного фундаментального исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверьянов В. Житие Вениамина Блаженного // Вопросы литературы. – 1994. – №4. – С. 40-73
2. Айзенберг М. Взгляд на свободного художника. – М, 1997. – 167с.
3. Басинский П. Поэзия Серебряного века (авангард или модернизм?) // Поэзия Серебряного века. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – С. 5-16
4. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2-х томах. Т. 1 / Вступ. ст., сост. А. Л. Казин, коммент. А. Л. Казин, Н. В. Кудряшова. – М.: Искусство, 1994. – 487с.
5. Берг М. Кризис авангарда в России // Постмодернисты о посткультуре. Интервью с современными писателями и критиками. – М., 1996. – С. 41-60
6. Богданова О. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60-90-е годы XX – начало XXI века) – СПб.: Филол. Ф-т С. - Петерб. гос. ун-та, 2004. – 716с.
7. Гайденок П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 472с.
8. Грюбель Райнер. Снос и цена. Деконструктивизм и аксиология, или Сопrotивление прочтению Поля де Мана // Новое литературное обозрение. – 1997. – №23. – С. 31-41
9. Затонский Д. В. Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств. – Харьков: Фолио; М: ООО, «Издательство АСТ», 2000. – 256с.
10. Кожин В. В. Классицизм, модернизм и авангардизм // Теоретико-литературные итоги XX века. Т. 2. Художественный текст и контекст культуры / Редкол.: Ю. Борев (гл. ред.), Н. К. Гей, О. А. Овчаренко, В. Д. Сквозников и др. – М.: Наука, 2003. – С. 5-25
11. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – М.: ОГИ, 2001. – 288с.

12. Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии – СПб: Алетейя, 1998. – 159с.
13. Липовецкий М. «Голубое сало» поколения, или Два мифа об одном кризисе // Знамя. – 1999. – №11. – С. 211-221
14. Липовецкий М. Конец века лирики. – Новый мир. – №10. – С. 206-216
15. Липовецкий М. Концептуализм и необарокко. Биполярная модель русского постмодернизма // w. w. w. agama. ru
16. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1997. – 317с.
17. Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории литературы // Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. – СПб: Алетейя, 1999. – С. 451-508
18. Маньковская Н. Б. Что после постмодернизма// Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания. В 2-х частях. Часть II. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 417-430
19. Мережинская А. К проблеме соотношения модернистской и постмодернистской парадигм в русской прозе 90-х годов XX века // Наукові записки Харківського педагогічного університету. – 2002. –Вип. 1 (30) – С. 12-20
20. Мережинская А. Ю. Русский литературный постмодернизм: Худож. специфика. Динамика развития. Актуал. пробл. изучения: Учеб. пособие. – К.: Логос, 2004. – 234с.
21. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 384с.
22. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. ИМЛИ РАН. – М.: Наследие, 2000. – 960с.
23. Сахаров В. И. Романтизм в России: эпохи, школы, стили. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 256с.
24. Теоретическая культурология. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – 624с.

25. Теория литературы Т. IV: Литературный процесс. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. – 624с.
26. Тимина С. И. Современный литературный процесс (1990-е годы) // Русская литература XX века: Школы, направления, методы творческой работы. Учебник для студентов высших учебных заведений / В. Н. Альфонсов, В. Е. Васильев, А. А. Кобринский и др.; Под ред. С. И. Тиминой. – СПб.: Издательство «Logos»; М.: «Высшая школа», 2002. – 586с.
27. Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448с.
28. Hassan J. Dismemberment of Orfeus – New York, 1982.

Анотація

Ільїнська Н. Рецепція модернізму у російському постичному процесі кінця XX століття (теоретичний аспект)

У статті розглядається проблема взаємин модернізму й постмодернізму в художній свідомості російської поезії кінця XX сторіччя. Автор, апелюючи до авторитетних літературознавчих, культурологічних теорій і концепцій, доходить висновку, що для сучасного поетичного процесу характерна «дифузія» поетик модернізму й постмодернізму. Проте інтегральні константи, притаманні російському модернізму й новітній поезії кінця XX століття, які відбивають культурну наступність на безпосередньо-рецептивному рівнях, демонструють опосередковано-типологічні зближення, дозволяють позначити ці тенденції як неомодерністські.

Аннотация

Ильинская Н. Рецепция модернизма в русском поэтическом процессе конца XX века (теоретический аспект)

В статье рассматривается проблема взаимоотношения модернизма и постмодернизма в художественном сознании русской поэзии конца XX

столетия. Автор, апеллируя к авторитетным литературоведческим, культурологическим теориям и концепциям, приходит к выводу, что для современного поэтического процесса характерна «диффузия» поэтик модернизма и постмодернизма. Тем не менее интегральные константы, присущие русскому модернизму и новейшей поэзии конца XX века, которые отражают культурную преемственность на непосредственно-рецептивном уровнях, демонстрируют опосредованно-типологические сближения, позволяют обозначить эти тенденции как неомодернистские.